
А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров
Под общей редакцией: В. Э. Вацуро (редактор тома), Н. К. Гея, С. А.
Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова
М., "Художественная литература", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

15 марта.

Вчера гром пушек возвестил нам приезд Грибоедова,; вестника мира с Персией, вследствие коего приобретаем мы несколько десятков миллионов рублей и область Армянскую до Аракса. Приезд его был давно обещаем и очень ожидаем, так что государь собирался даже послать к нему навстречу, чтобы проведать, что случилось с курьером: мир был подписан 10-го февраля, следовательно, - ехал он нескоро. Я еще с ним не видался: вероятно, будет он хорошо награжден. Здесь говорят о значительном награждении героям персидским. Паскевичу миллион рублей, Обрескову, дипломатическому представителю, триста тысяч, генералам по сту тысяч {1}. После этого я согласился бы Паскевичем быть. Сейчас барышни поехали в русском платье в дворец на персидское молебствие <...>

18 марта.

Вчера видел Грибоедова, l'homme du jour {героя дня (фр.)}, но, впрочем, я нашел в нем вчерашнего, то есть того же, он, без сомнения, был главным тружеником мира: во-первых, сто раз умнее других, да и знал народ персидский. Я очень рад за удачу его <...>

19 марта.

Паскевич - граф Ериванский, и дано ему миллион Рублей. Обрескову - анненская лента, невесте его триста тысяч рублей, которые принесли ей третьего дня в узле. Архарова, старушка, думала, что тридцать тысяч, и тут ей от радости сделалось дурно; узнав истину, она помножила и обморок свой на десять. Грибоедову - чин статского советника, Анну с бриллиантами на шею и четыре тысячи червонцев {2}. Всей армии, действующей или действовавшей против персиян, денежные награждения. В публике Паскевич затмил славу Суворова, Наполеона! О Ермолове, разумеется, говорят не иначе, как с жалостью, а самые смелые с каким-то. удивлением. Впрочем, кажется, он в самом деле в соображениях и планах своих был не прав. У провидения свои расчеты: торжество посредственности и уничтожение ума входят иногда в итог его действий. Кланяемся и молчим <...>

27 марта.

<...> имели мы приятный обед у Вьельгорского с Грибоедовым, Пушкиным, Жуковским.

В Грибоедове есть что-то дикое, de farouche, de sauvage, в самолюбии: оно, при малейшем раздражении, становится на дыбы, но он умен, пламенен, с ним всегда весело. Пушкин тоже полудикий в самолюбии своем, и в разговоре, в спорах были у него сшибки задорные <...>

19 апреля.

Смерть хочется, приехав, с вами поздороваться и распрощаться, возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж, а в августе месяце быть снова у твоих саратовских прекрасных ножек... Вчера были мы у Жуковского и стоворились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы или осажи: не шутка видеть четырех русских литераторов. Журналы, верно, говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право, можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный